

К ВОПРОСУ ОБ АДЪЕКТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Адъективация причастий — один из частных вопросов общей теории переходности в области частей речи, которая начала активно развиваться в XX веке [Мигирин, 1971; Бабайцева, 2000; Сидоренко, Сидоренко, 1993; Баудер, 1982 и др.]. Предметом исследований были такие основополагающие вопросы, как сущность перехода одних частей речи в другие, соотношение синхронии и диахронии в этом процессе, связь со словообразованием, а также конкретные проявления переходности: субстантивация, прономинализация, адъективация, адвербиализация, препозиционализация и др.

Вопрос об адъективации причастий напрямую связан с тем, как рассматривается причастие: как форма глагола, самостоятельная часть речи или как процессуальное прилагательное.

Об адъективации имеет смысл говорить только в том случае, если рассматривать причастие как форму глагола или как самостоятельную часть речи. Если же считать причастие прилагательным, то вопрос об адъективации не может быть поставлен, так как образование причастий и есть уже адъективация глагольной основы. Являясь адъективными образованиями, причастия в процессе своего семантического развития переходят не из глагола в прилагательное, а из процессуальной разновидности прилагательного в разряд качественных прилагательных, аналогично тому, как относительные прилагательные переходят в качественные [Иванникова, 1974, 303].

Мы присоединяемся к мнению лингвистов, рассматривающих причастие как особую форму глагола, которая в своем категориальном значении (процессуальный признак предмета) содержит предпосылки для перехода в разряд прилагательных.

Говоря о причинах адъективации, называют следующие: 1) наличие в основном грамматическом значении причастия противоречия „между действием как процессом, движением и признаком, свойством как относительно устойчивой величиной” [Бахарев, 1972, 11]. Это противоречие — исходный пункт адъективации, которая зависит от борьбы двух компонентов плана содержания (действия и свойства); 2) наличие грамматических категорий вида, времени, залога и падежа, которые не совмещаются более ни в каких других морфологических формах; 3) употребление причастий (как и прилагательных) в препозиции и без зависимых слов.

Бесспорно то, что переходность связана с различными уровнями языка: она характеризуется лексико-семантическими изменениями, проявляющимися в большей или меньшей степени; производное слово утра-

чивает какие-то исконные и приобретает новые морфологические признаки, переходные явления в морфологии обусловлены синтаксическими условиями функционирования, хотя применительно к адъективации эти условия проявляются иначе, чем по отношению к другим процессам переходности. Если субстантивация, адвербиализация, предикативация, модалация и все процессы перехода знаменательных частей речи в служебные во многом обусловлены синтаксической функцией, то для адъективированных причастий такой обусловленности нет, так как и подлинные причастия и адъективированные выполняют одинаковые синтаксические функции; и, говоря о влиянии синтаксических условий функционирования словоформ, мы имеем в виду наличие/отсутствие распространителей и особенности сочетаемости.

Неоднозначно рассматривается в лингвистической литературе и вопрос об отношении адъективации к словообразованию. Можно ли в этом случае говорить о морфолого-синтаксическом способе словообразования?

Осторожно высказывается на этот счет В.В. Виноградов, относя к морфолого-синтаксическому словообразованию прежде всего случаи субстантивации имен прилагательных и адвербиализации форм разных частей речи, а также образование слов категории состояния в результате перехода наречий и кратких форм прилагательных. „Гораздо более семантически сложны и активны явления перехода причастий в имена прилагательные и связанные с ними процессы образования омонимов на этой почве (ср.: *спертый, сдержанный, воспитанный* и т.п.)” [Виноградов, 1975, 208].

Н.М. Шанский отвечает на данный вопрос утвердительно и приводит примеры прилагательных, образованных от причастий: *открытое* (лицо), *взволнованный* (вопрос), *возбужденное* (состояние), *сдавленный* (голос), *сушеный, граненый, знающий* (инженер), *подходящий* (момент), *руководящая* (работа), *колючий, трескучий, живучий* и т. п. [Шанский, 1968, 265-266]. М.Ф. Лукин считает подлинную адъективацию образований типа *угасшее желание, надорванный* голос, *знающий инженер, обитаемый* остров и др. результатом морфолого-синтаксического словообразования, отделяя от них факты ложной адъективации: *работающий, неутомимый, густонаселенный, несгораемый* и др., которые представляют продукт морфологического или лексико-синтаксического словообразования [Лукин, 1973, 170-176].

Остановимся также на точке зрения В.В. Лопатина, рассматривающего адъективированные причастия с синхронных позиций: „Адъективация причастий ... — это прежде всего наличие некоторых адъективных значений в рамках категории причастия, не приводящее к появлению новых слов — прилагательных. Постепенное же обособление новых омонимов на почве развития адъективных значений отдельных причастий — явление лексическое и носящее диахронический характер” [Лопатин.

1966, 47]. Такими омонимами, развившимися из причастий, являются, по мнению автора, например, *следующий* (день, год), *текущий* (счет, интересы), *вызывающий* (тон), *выдающийся* (ученый), *начинающий* (учитель, писатель), *блестящий* (доклад), *квалифицированный* (работник), *одушевленный* (как грамматический термин) и др. Из числа адъективированных причастий В.В. Лопатин исключает целый ряд производных образований, которые по разным причинам в современном русском языке должны рассматриваться как прилагательные: 1) лексемы, лишь генетически являющиеся причастиями, а в современном языке они обособлены от системы причастий: *летучий*, *облезлый*, *лежачий* и др. подобные; 2) также образования типа *сушеный*, *крытый*, *колотый* и др., результативное, перфектное значение которых не соответствует видовому значению несовершенности структурно мотивирующих их глаголов; 3) кроме того, лексемы с суффиксом страдательных причастий -ем/-им, которые или не соответствуют правилам образования причастий: *устранимый*, *неуловимый*, *невыносимый* (образованы от глаголов совершенного вида), или значение их, как и у вышеназванных производных, не соответствует видовому значению производящих глаголов: *неузнаваемый* (того, которого нельзя узнать), *незабываемый* (того, которого нельзя забыть) и др.; или они не имеют страдательного значения (а оно сигнализируется суффиксами) и фактически синонимичны действительным причастиям настоящего времени — это образования главным образом от непереходных глаголов, от которых страдательные причастия вообще невозможны: *неиссякаемый*, *несгораемый*, *несмолкаемый* и др.; ср. с синонимичными действительными причастиями: *неиссякающий*, *несгорающий*, *несмолкающий* и т.д. В.В. Лопатин рассматривает и другие многочисленные, но изолированные образования, характеризующиеся в современном русском языке отсутствием словообразовательной связи с производящими глаголами (чаще всего из-за исчезновения самих этих глаголов): *предыдущий*, *неимущий*, *предвзятый*; или таких глаголов вообще никогда не было: *долгоиграющий*, *металлорежущий*, *дорогостоящий* и др.

Таким образом, все образования, внешне похожие на причастия (то есть имеющие причастные суффиксы), представляют собой образования двух типов: находящиеся вне системы современных причастий прилагательные и обособившиеся от системы причастий омонимы, путь образования которых — лексико-семантический (ср. точку зрения Н.М. Шанского, рассматривавшего морфолого-синтаксический способ как разновидность лексико-семантического [Шанский, 1968, 263]).

Об адъективации как лексико-семантической деривации пишет И.К. Сазонова [Сазонова, 1975]. Как грамматический, а не словообразовательный процесс рассматривают адъективацию причастий Л.П. Калакуцкая [1971] и Л.Л. Буланин [1976]. Безусловно, все эти наблюдения полезны, с разных сто-

рон отражают сущность процесса адъективации и примыкающих к нему образований, к которым мы относим ложные адъективаты, выделяемые М.Ф. Лукиным, или образования третьей группы в работе В.В. Лопатина.

Мы рассматриваем адъективацию как арену взаимодействия синхронных и диахронных процессов, семантических и грамматических факторов, как сложное взаимодействие и морфолого-синтаксического и лексико-семантического способов словообразования. В своем анализе фактов адъективации мы опираемся на разработанную В.В. Бабайцевой шкалу переходности, которая, во-первых, отражает дифференциацию синхронии и диахронии в явлениях переходности и, во-вторых, демонстрирует связи между ними:

$A \rightarrow AB \rightarrow \overline{AB} \rightarrow aB \rightarrow B$ [Бабайцева, 2000, 30-33, 37, 40-44 и др.].

А и Б, „крайние” точки шкалы, — это типичные для каждого синхронного состояния языка явления; в нашем случае А — бесспорные причастия, Б — завершившийся процесс адъективации — прилагательные. Зоны \overline{AB} , \overline{AB} и aB представлены синкретичными явлениями, в которых признаки причастия и прилагательного так или иначе совмещаются.

Рассмотрим вначале зоны „крайних” точек.

К бесспорным причастиям, в полной мере выражающим свои глагольные и адъективные признаки, относятся образования, удовлетворяющие следующим требованиям:

- 1)они образованы от таких глаголов, от которых могут быть образованы в принципе, и соответствуют правилам образования данных причастий;
- 2)они семантически соотносятся с производящими глаголами;
- 3)они обладают присущими причастиям глагольными категориями;
- 4)они имеют управляемые и/или примыкающие формы, образуют причастный оборот, который стоит после определяемого слова.

Приведем примеры.

1.*Есть свое тайное очарование и нежность в первых проявлениях весны, проникающих в душу незаметно, не внешними признаками, а какой-то извечной, древнейшей связью, охватывающей все живое при наступлении весны с незапамятных времен... (П.Проскурин).*

2.*Когда последний луч солнца падал на Батум, то город каждый раз казался нагромождением ржавого дымящегося железа, брошенного к подножию сумрачных гор (К.Паустовский).*

Выделенные причастия образованы в соответствии с действующими в языке моделями; семантически соотносятся с производящими глаголами; обладают глагольными категориями вида, времени и залога; их глагольность поддерживается распространителями, и, кроме того, они способны к семантико-грамматическим преобразованиям.

Зона Б представлена диахронными образованиями нескольких типов:

- 1) бывшие причастия, ныне прилагательные, с суффиксами -уч-, -ач-: *дремучий, зыбучий, колючий, стоячий, висячий, горючий, зрячий, теку-*

чий, горячий, трескучий и др. подобные. Некоторые из них сохраняют семантику действия и трансформируются в глагольные конструкции: *стоячий* — тот, который стоит; *висячий* — тот, который висит; *вонючий* — тот, который воняет и т.д. Другие полностью утратили такую связь, и она восстанавливается только путем этимологического анализа: *дремучий* — по происхождению причастная форма к *дремати*, *горячий* — по происхождению причастная форма к *горети* [Шанский и др., 1971] и др. Значение такого прилагательного уже не может быть передано глагольной перифразой: *дремучий* ≠ тот, кто дремлет, *горячий* и *горючий* ≠ тот, который горит.

В отдельных случаях мотивирующий глагол вообще ушел из языка: *зыбучий* — образовано от *зыбать* «качать», известного в древнерусском языке [ЭСР, 1975, 114].

Многие из прилагательных этой группы обладают фразеологически связанным значением, сочетаются с одним-двумя словами и образуют фразеологические сочетания: *стоячий воротник, висячий замок, дремучий лес, горючие слезы, трескучий мороз, зыбучие пески*. При дальнейшем развитии семантической структуры таких прилагательных сочетаемость их расширяется, но в рамках каждого лексико-семантического варианта синтагматическая несвобода значений сохраняется.

Покажем это на примере слова *стоячий*:

Стоячий [Сазонова, 1989]: 1. Такой, который стоит, находится в вертикальном положении. Стоячий воротник. Стоячая лампа.

2. С непроточной нестекучей водой. Стоячие пруды. Стоячее болото.

3. Застоявшийся, несвежий — о воздухе. Стоячий воздух;

2) бывшие причастия полной формы на -л: *спелый, зрелый, горелый, дряблый, дряхлый, кислый* и др. Связь их с глаголом в большинстве случаев еще ощущается, хотя и не является непосредственной: структурно они мотивированы глаголами несовершенного вида, а с точки зрения грамматической семантики — формами совершенного вида, так как имеют результативное, перфектное значение, и это демонстрируют глагольные перифразы: *спелый* — тот, который *поспел*; *зрелый* — тот, который *созрел*; *горелый* — тот, который *сгорел*.

Отдельные лексемы этой группы также уже не имеют мотивирующих глаголов, утратили их в ходе исторического развития, выражают значение только качественное: *кислый* (от *кысати*); или они образованы от глаголов, имеющих в словаре помету разг.: *дряблый* (от *дрябнуть*); или вообще имеют неясную этимологию: *дряхлый, квелый*.

Прилагательные обеих групп обособлены от современных причастий и формально — несвойственными причастиям суффиксами:

3) образования с суффиксами страдательных причастий -н/-енн-/-т-: *рушенный, вареный, золоченый, колотый, рваный, крытый* и др. В отличие от двух предыдущих групп, образования этого типа характеризуются

структурной близостью с современными причастиями, при наличии распространителей некоторые из них функционируют в качестве причастий, и это получает отражение в орфографии (причастия пишутся с -нн-): *жареный картофель* — *жаренный на масле картофель*; *груженая машина* — *груженная песком машина, крытая машина* — *крытая шифером крыша*, но ср. отсутствие соотносительных причастных форм у прилагательных *золоченый, рваный*, что, возможно, свидетельствует о постепенной утрате соотносительности.

С прилагательными второй группы их сближают особенности мотивации: структурно они мотивированы глаголами несовершенного вида, а грамматическая их семантика (результативность, перфектность) свойственна формам совершенного вида.

Часто высказывается мысль о том, что результатом диахронной переходности являются функциональные омонимы. Описанные факты адъективации, относящиеся к зоне Б, показывают, что это не всегда так. Если из языка ушла исходная морфологическая форма (или целая парадигма), то о функциональных омонимах говорить не приходится. Приведем высказывание В.В. Бабайцевой: „...при диахронной переходности обязательно что-то во что-то переходит в процессе исторического развития языка, и источник преобразований обычно исчезает, ...при синхронной переходности наблюдаются оппозиционно противопоставленные явления и явления зоны синкретизма” [Бабайцева, 2000, 38].

Опираясь на эту идею, можно говорить о том, что рассмотренные нами адъективные образования зоны Б располагаются в разных ее „точках”: слева, ближе к зоне аБ, — прилагательные типа *жареный*, затем — *стоячий*, и крайнюю правую точку занимают лексемы типа *спелый*.

К синкретичным явлениям относятся звенья АБ, АБ, аБ шкалы переходности, к рассмотрению которых мы теперь обратимся.

Сразу следует сказать, что границы между этими звеньями размыты, зыбки, разграничение их в каких-то случаях достаточно условно, и, конечно, неизбежен некоторый субъективизм в оценке, „взвешивании” сочетающихся признаков.

Нам представляется, что в зоне АБ, в которой глагольные признаки причастия уже несколько ослабляются, но все еще сильны, должны быть конструкции с причастным оборотом, стоящим перед определяемым словом, — такая позиция свойственна прилагательным. И, видимо, не случайно правила пунктуации предусматривают обязательное выделение причастных оборотов, стоящих после определяемого слова, и только в особых условиях семантической перегрузки обособление причастных оборотов, стоящих перед определяемым словом.

Воспользуемся фрагментами примеров №1 и 2, изменив в них позицию причастного оборота.

1. *Есть свое тайное очарование и нежность в проникающих в душу незаметно первых проявлениях весны...*

2... *Батум каждый раз казался нагромождением брошенного к подножию сумрачных гор ржавого дымящегося железа.*

К этой зоне мы относим также причастные образования, употребленные без зависимых слов, в которых сильно глагольное начало, сохранены глагольные категории, и, кроме того, у них есть функциональные омонимы, относящиеся к зоне АБ. Ср.: *горящий дом* — *горящая путевка*; *потерянный кошелек* — *потерянный вид*; *текущая река* — *текущий момент*; *цветущий куст* — *цветущий вид*.

Зона АБ характеризуется примерным равновесием глагольных и адъективных признаков, хотя установить факт подобного равновесия достаточно сложно.

Проанализируем выделенные словоформы в следующих предложениях:

3. *Петя нерешительно ступил на нехоженую, густо заросшую травой улицу и почти сразу же вновь остановился (П.Проскурин).*

4. *По дороге домой Крыга думал о прелести черных ночей юга, блаженстве темноты, когда... мирно отдыхает натруженное за день тело (А.Грин).*

На первый взгляд, обе словоформы являются причастиями: они образованы от имеющихся в языке глаголов (зарастить и натрудить), соответствуют правилам образования причастий, имеют зависимые формы, однако проверка их на наличие глагольных категорий дает отрицательный результат: глагольные категории утрачены, причем, как отмечает Л.Л. Буланин, „для доказательства факта перехода в прилагательные достаточно показать отсутствие хотя бы одной из глагольных категорий” [Бабайцева, 2000, 38].

Об отсутствии значения совершенного вида свидетельствует возможность введения в предложение №5 наречий со значением обычности, постоянности действия: „ступил на нехоженую, постоянно заросшую травой улицу...”, которые не могут сочетаться с глагольными формами совершенного вида (ср.: *улица постоянно заросла). Вместе с тем данное предложение позволяет произвести видо-временные преобразования причастной формы, несколько изменив ее дистрибуцию, но при этом значение перфектной результативности в каждой реализации повторяющегося действия сохраняется: *Петя ... шел по нехоженной, постоянно зараставшей / зарастающей травой улице...*

Словоформа *натруженные* (предложение №6) лишена глагольных признаков, как нам кажется, еще в большей степени. Во-первых, она образована от стилистически маркированного глагола (*натрудить* имеет в МАСе помету *разг.*), ее употребление более частотно, чем мотивирующего глагола, причем употребление фразеологически связанное (*натруженные руки, ноги, тело*); во-вторых, проверка на наличие глагольных кате-

горий также дает отрицательные результаты: отсутствует значение времени, по сути обозначается постоянный признак предмета, который нельзя представить как действие; тест на значение страдательного залога (невозможность ввести агентивное дополнение) показывает отсутствие и категории залога. Вместе с тем „следы” глагольности есть и в этой форме — в виде значения перфектной результативности. Утрата специфических глагольных категорий ослабляет глагольность причастий и усиливает их адъективные признаки.

В зоне аБ, к рассмотрению которой мы переходим, находятся образования, неодинаковые по степени адъективации, но объединенные общими признаками: отсутствием объектных и/или адвербиальных распространителей и наличием функциональных омонимов, относящихся к зонам А, Аб, АБ.

Вернемся к предложениям № 1, 2, 3 4, используя для сопоставления их фрагменты.

1. *Есть очарование и нежность в первых проявлениях весны, проникающих в душу незаметно... Ср.: проникающие лучи, проникающее ранение, проникающая радиация.*

2...*Батум ...казался нагромождением ... железа, брошенного к подножию сумрачных гор. Ср.: брошенная деревня, брошенный ребенок.*

3.*Петя ступил на ... густо заросшую травой улицу... Ср.: Какой ты заросший! (о небритом или нестриженном мужчине).*

4...*когда мирно отдыхает натруженное за день тело... Ср.: натруженные руки, ноги, тело.*

Приведем и другие примеры, в которых выделенные словоформы принадлежат зоне аБ.

5.[Граф]: *Концерты, любительские концерты... все это действительно можно прелестно устроить. И к тому же эти вечера будут не только веселить общество, но они будут иметь и воспитывающее влияние (А.П.Чехов).*

6.*На другое утро ... Меркулов ходил по лавкам и, ругаясь с купцами, выбирал подходящее сукно (А.П. Чехов).*

7.*Очевидно, решающую роль в этой покупке сыграла история золотой розы, рассказанная ювелиром литератору (К.Паустовский).*

Во всех образованиях зоны аБ преобладают адъективные семы, отмечаются те или иные семантические сдвиги; происходит отрыв данных отпричастных форм от других разрядов причастий; утрачивается значение признака, развивающегося во времени, и появляется значение постоянного, статичного признака.

Во многих случаях адъективированное причастие обогащается грамматическими признаками прилагательного, в частности, приобретает способность к образованию аналитических форм степеней сравнения: *Сегодня ты самый заросший, наиболее подходящее сукно.*

В данной статье мы стремились использовать для иллюстрации процессов адъективации лишь те причастные единицы, которые способны к преобразованиям, в противном случае анализ их в терминах шкалы переходности теряет всякий смысл.

Язык, безусловно, богаче всяких схем, и явления переходности про­ нзывают всю его систему, скрепляя отдельные ее звенья, а наша статья вносит скромный вклад в изучение одного из самых сложных вопросов переходности — вопрос об адъективации причастий.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. — М.: Дрофа, 2000.
2. Баудер А.Я. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке. — Таллин, 1982.
3. Бахарев А.И. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Саратов, 1972.
4. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. — М.: Просвещение, 1976.
5. Виноградов В.В.. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975.
6. Иванникова Е.А.. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. — М.: Наука, 1974.
7. Капакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. — М.: Наука, 1971.
8. Лопатин В.В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // ВЯ. — 1966. — №5.
9. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка. — М.: Просвещение, 1973.
10. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. — Бельцы, 1971.
11. Сазонова И.К. Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // ВЯ. — 1975. — №6.
12. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. — М.: Русский язык, 1989.
13. Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. — Симферополь, 1993.
14. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во МГУ, 1968.
15. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.А.. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971.
16. Этимологический словарь русского языка. — Т.П. — Вып. 6/Под ред. Н.М.Шанского. — М.: Изд-во МГУ, 1975.

М.В. ФЕДОРОВА
г. Белгород

БЕЛГОРОДСКИЕ ФАМИЛИИ МОДЕЛИ ЧЕРНЫХ

Русские фамилии типа *Черных* были отмечены проф. П.Я. Черных в Сибири в середине прошлого века, он назвал их сибирскими. В России